

Александр БАЛТИН

САМОЦВЕТЫ СЛОВ ЮРИЯ КАЗАКОВА

1

Чудо, рождающееся как будто из ничего: в знакомом пространстве слов возникают такие их сочетания, которые дают эффект свечения изнутри: будто каждое слово иначе выявлено, стало крупнее, значительнее; словно получает новое звучание, и – значение...

Именно такое впечатление производили рассказы Ю. Казакова: и ощущение нельзя было объяснить ни мастерством, ни огромностью дара – только тайной: тайной, что останется неразгаданной навсегда.

От первого рассказа «На полустанке», где персонажи – и отвратный деревенский дурак, продемонстрировавший нутрянную силу и вызываемый в райцентр, в секцию тяжёлой атлетики, и робкая девушка, и даже вокзальный служитель – возникали с такою ясностью, что реальные – по жизни – соседи – становились тусклее – до последних чудесных своих, самоцветных повествований Казаков не снижал уровня...

Добивался ли он долгой работой такого результата?

Или слова озаряли его, представляя вроде бы обычную реальность волшебной?

Тайна остаётся тайной...

Вот... «Старики» – два враждующих чуть ли не полвека человека, один из которых был миллионщиком-купцом, второй наёмным рабочим, старики, вражду которых знает весь город: и город встаёт со страниц, специально не названный, ибо много таких на Руси, wpłyвает в сознание ярусами садов, домишек, нагромождением старинных купецких построек с мезонинами и галереями; старики, яростно встречающиеся зимним вечером, когда снег блестит так, как в жизни не увидишь – хотя видел тысячи раз.

Вот Лермонтов – из «Звона брегета»: Лермонтов, так и не встретившийся с Пушкиным, а когда уже совсем решился: оказалось – день дуэли.

И Петербург рисуется густою масляной живописью слов, и гуляющие в отдельном кабинете ресторана гусары словно находятся в пределах физической видимости...

А деревенские рассказы Казакова!

«Ни стуку, ни грюку», «Некрасивая», «Странник», «В город» – непарадная деревня, совсем не социалистическая, должна процветать, но такая живая, с ароматами, красками, плазмой жизни – уж какая есть...

Самоцветы, рассыпаемые по страницам, не тускнеют, и пейзаж Казакова – совсем особенный: аналогов не найти, но так легко войти в ельничек, живописанный им, или посидеть у пруда...

Какой мощью звучит «О мужестве писателя»: очерк, превосходящий иную монографию: всё сказано – о буднях писательских, о тяжести этого труда: что особенно важно в наши дни, когда писательство и профессией-то не считается.

Север Казакова – отдельная область его наследия: и влюблённый в землю свою Тыко Вылка, и приглушённый пейзаж, и закаты, пепельно присыпающие море, и неяркие оттенки городов, и размытый рыбий жир белых ночей...

Фонари – эти шаровые узлы перспективы – светятся...

...прозвучит финальный выстрел из трагического рассказа «Во сне ты горько плакал»; горько запахнет антоновкой отчаяния, и Д. Голубков, не названный, но подразумеваемый, улыбнётся печальной улыбкой из неизвестной запредельности.

«Адам и Ева» будут обживать свой край: Казаков показывает отношения на том уровне правды, который исключает любую пустую сентиментальность и ненужную романтизацию: хотя весь лад его прозы приподнят.

Нет – просто необыкновенно высок: и тайна, тайна слов Юрия Казакова, их взаимодействий останется неразгаданной никогда.

2

Крепкая кладка фраз Юрия Казакова – так основательно строятся дома, нет! великолепные, на столетия рассчитанные избы – в лапу, в чашу.

Конский щавель буро мотается на ветру, и исключанная тропа густеет отвалами серой грязи.

Пресно живёт непарадная деревня, и бездельнику, принявшему вид странника, окрестившего себя Иоанном, только и привлекательно: молодая вдова...

Нудьба однообразной работы, смешанная с родным: от запаха навоза до еды, добываемой библейски, в поте лица.

Библейская же мощь простейших словес: любые сочетания их велики, как узлы прекрасно отлаженного агрегата.

Оживают, встают со страниц люди: Некрасивая, Серёга из «Ни стук, ни грыку», даже чуть мелькнувшая красавица Галья, из-за какой был зверски избит Серёга.

Всё ли идёт ко «Во сне ты горько плакал»?

Добрый, как дервиш, философ покончит с собой; долго стоял у окна дачи, прижавшись к чёрной прохладной глади лбом августовской ночью, мучительно взвешивал всё возможные «за» и «против».

Всё ли идёт?

Но – «Свечечка горит», и вырастает огонь её сначала в человечка, потом в человека, чудо из чудес...

У Юрия Казакова крупные слова – каждое: точно обкатанная галька, и ощущение создаётся, прежде чем поставить определённое слово на место, писатель рассматривает его со всех сторон: ибо место у слова может быть только единственное, его.

Запахи текут нежными струями: смолянистые, хвойные, или городские: жаркого, смягчающего на солнце асфальта, пыли...

Мир полон запахами, как и цветами, оттенками цветов и даже оттенками оттенков оных.

Как начинается рассказ «Звон брегета» – о так и не состоявшейся встрече двух главных классиков русской поэзии: как льётся он картинками зимнего Петербурга, где фраза каждая – сама поэзия, и звук нежен и весом одновременно.

Вынутые из жизни непарадной деревни куски жизни: вынутые с натяжением нервным плотности оной – будь то «Некрасивая» или «В город»: при конкретике, зримости, плотности рассказов ощущение то же: перед нами поэзия.

...тут перья жар-птицы: вспыхивает красный глазок, проступает зеленовато-синий веер, тонкая золотистая дуга охватывает картину, точно давая ключ к музыкальному тону фразы...

С первого своего маленького шедевра – рассказа «На полустанке» – до последнего: сквозного, пронзительного, трепещущего от любви и грусти «Во сне ты горько плакал», Казаков не оступился ни разу, и ни разу не погрешил против своего великого дара, создавая словесные чудеса: как возможно увидеть мир, лес, людей глазами медведя? Как возможно великолепие рассказа «Тедди»?

А может быть, предназначение писателя в том, чтобы невозможное делать возможным?

И Юрий Казаков справлялся с этим блестяще.